

В. Н. Топоров

Исследования
по ЭТИМОЛОГИИ
и СЕМАНТИКЕ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2004

В. Н. Топоров

Том 1

Теория
и некоторые частные
ее приложения

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2004

ББК 81.2
Т 58

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского государственного гуманитарного фонда
(РГНФ)
проект № 02-04-16121

Топоров В. Н.

Т 58

Исследования по этимологии и семантике. Т. I: Теория и некоторые частные ее приложения. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 816 с. — (Opera etymologica. Звук и смысл). *(Вклейка после с. 768)*

ISBN 5-94457-186-1

Настоящее исследование предполагает три тома общим объемом более 160 авторских листов. Исследуемый материал — лексика индоевропейских языков. В центре книги — этимология славянских, балтийских, индоиранских, итальянских языков; предлагаются также и этимологии лексики древнегреческого, фракийского, иллирийского, тохарского, хеттского языков. Объединяющей идеей исследования являются реконструкция и семантика, т. е. определение смысловой мотивации обозначения анализируемого слова. Реализация этих идей имеет непосредственное отношение к анализу весьма древнего пласта индоевропейского праязыка и соображениям и гипотезам, относящимся к ментальности носителей этих языков и процессам порождения смыслов и их эволюции в более поздние эпохи. Этот круг задач и соответствующих проблем органически связан и с другими нежели лексика и семантика уровнями языка, прежде всего к генезису некоторых грамматических категорий.

Книга рассчитана на специалистов в области индоевропейских языков, типологии, культурной антропологии, мифологии и ритуала.

ББК 81.2

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: ko-shelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G•E•C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G•E•C GAD.

ISBN 5-94457-186-1

© В. Н. Топоров, 2004
© Языки славянской культуры, 2004

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора.....	7
Открывая первую дверь... ..	11

А. Общие вопросы этимологии. Некоторые смежные проблемы

О некоторых теоретических основаниях этимологического анализа.....	19
Еще раз о некоторых теоретических аспектах этимологии.....	41
Парадоксы заимствований в сравнительно-исторической перспективе	48
Ностратика, глоссогенетика, этимология философов и поэтов (тезисы)	52
Пространство и текст.....	55
О категории притяжательности (І. К проблеме становления. ІІ. Древнеиндийский ракурс)	119
О некоторых предпосылках формирования категории притяжательности.....	196

В. Число

О числовых моделях в архаичных текстах.....	226
К семантике троичности (слав. <i>*trizna</i> и др.)	273
Marginalia к семантике троичности	292
К семантике четверичности (анатолийское <i>*тец-</i> и др.)	293
Число и текст.....	317
Числовой код в заговорах	331
Заметка о числовом коде русских загадок.....	350

С. Имя

Об одном способе сохранения традиции во времени: имя собственное в мифопоэтическом аспекте	362
---	-----

Из теоретической ономатологии	372
Имя как фактор культуры	380

D. Реконструкция

Постановка задачи реконструкции текста и реконструкции знаковой системы	384
Заметки по реконструкции текстов	415
Функция, мотив, реконструкция (несколько замечаний к «Морфологии сказки» В. Я. Проппа).....	451
К реконструкции «загадочного» прототекста (о языке загадки).....	471

E. Ритуал, тексты, язык

О ритуале. Введение в проблематику	484
Конные состязания на похоронах.....	539
Из наблюдений над загадкой	579

F. Анаграммы и анаграмматизм

К исследованию анаграмматических структур (анализы)	708
---	-----

G. Семантика

Семантика мифологических представлений о грибах.....	756
--	-----

Указатель первых публикаций	813
-----------------------------------	-----

ОТ АВТОРА

В настоящем издании, первый том которого находится перед читателем, отражены результаты почти полувекового опыта автора в исследовании этимологии и семантики (не только той, которая более или менее связана с этимологией, но и той, что представляет собой вполне самодовлеющую область языкознания). XX век (особенно его вторая половина) — время, когда семантика впервые становится не только одним из ключевых разделов языкознания, но и шире — необходимой составной частью культурной антропологии, в которой понятие смысла, его особенностей, его «генерирования» и его точного анализа выдвигается на первый план. Классические работы Э. Бенвениста, особенно такие как знаменитая статья «Problèmes sémantiques de la reconstruction» (1954), а также «Sémiologie de la langue» (1969), книга «Le vocabulaire des institutions indo-européennes» (1970) и другие работы великого французского лингвиста, по нашему мнению, знаменуют вхождение семантики в новое, более широкое и чреватое новыми идеями и методами изучения пространство. Кажется, можно с достаточным основанием сказать, что наступает время, когда семантика все более приближается к острию стрелы развития гуманитарных наук и разгадке той тайны человека, которая отделяет его от других живых существ. Само же развитие этой области знания носит интенсивный характер, и в ней можно со временем ожидать прорыва в новые сферы, в частности начала экспериментальных работ по формированию смыслов и их целенаправленному изменению.

Что же касается собственно этимологии, то в ней примерно в тот же период также достигнуты существенные успехи, но, если говорить в целом, они носят количественный — и потому скорее экстенсивный — характер. Это не значит, что за последние полвека не сделано немало нового — от существенных уточнений до новых оригинальных этимологических решений. И ес-

ли развитие этимологии носит в целом эволюционный характер, то это объясняется прежде всего недостаточным, а иногда довольно «механическим» вниманием к перспективам, открывающимся в области семантики как науки о смыслах, их взаимных связях и отталкиваниях, их «системных» эволюциях.

Здесь бы хотелось привлечь внимание еще к одной теме, уже — к одной закономерности. Обычный, так сказать «среднестатистический» человек, не лингвист, как правило, не думает, не «рефлектирует» по поводу вопросов, связанных с фонетикой и морфологией, но когда речь заходит о семантике или об этимологии (само это слово может быть неизвестно человеку, даже если ему интересно знать, почему именно так, а не иначе обозначается тот или иной объект, его качество, соответствующее определение, предикат и т. п.), «любопытательные», собственно — «любопытательные бескорыстно», люди проявляют нередко живой интерес, почему нечто названо так, а не этак. Эта заинтересованность в этом вопросе сама по себе весьма показательна и свидетельствует о чем-то серьезном, в той или иной мере даже насущном, требующим удовлетворения, потому именно, что у таких бескорыстных и стихийных «этимологов» присутствует жажда познания независимо от того, верное оно или ошибочное. В конце концов и «стихийный» этимолог и этимолог-профессионал в чем-то едины — они ищут разгадку загадки. Разница же в аргументах, процедурах и результатах.

Надо помнить, что «лингвистическая» этимология, опирающаяся на определенный круг исходных данных, могла возникнуть только после появления сравнительно-исторического метода в начале XIX века, когда весьма «начерно» была установлена система звуковых соответствий между родственными словами индоевропейских языков. Но здесь и первые этимологи-профессионалы по необходимости попадали в ситуацию логического круга — чтобы знать, что языки родственны, надо было знать систему звуковых соответствий, но чтобы знать эти соответствия, нужно было знать, что языки эти родственны между собой. Из этой сложной, логически, казалось, безвыходной ситуации выход не был виден (да и сама этимология понималась как совокупность «разных» этимологий), и начался довольно длинный период нередко ошибочных «притираний» то к «похожим» формам, то к той небезошибочной системе соответствий, которая более или менее окончательно сложилась лишь к рубежу 70—80-х годов XIX века. В начале же были романтическое воодушевление, страсть, попытки соединить в одно целое дух и материю, над которой этот дух пока витал, не зная, как с нею соединиться. В своих «Die Fragmenten» Новалис писал:

«Каждое слово имеет свое особое значение, свои побочные значения, свои ложные и весьма произвольные значения. Этимология бывает различная — генетическая, прагматическая (указывающая на правила словоупотребления).

Душа, образуя понятия, стремится к генетически-интуитивному слову (формуле), отсюда страсть к этимологиям [разрядка моя. — В. Т.]. Она постигает

понятие, когда сама же его создает и может трактовать его всеми способами — трактовать и как дух и как материю.

Придать универсальность или философское значение какому-нибудь специфичному понятию — это значит превратить в эфир, в воздух, развеществовать некий спецификум или индивидуальность. Но существует также и обратный процесс...»

В этом томе (как и в его продолжениях) представлены отнюдь не все работы автора, относящиеся к соответствующим темам, связанным с этимологией и семантикой. Прежде всего, не будут представлены (за отдельными редкими исключениями) труды, посвященные гидронимии, топонимии, ономастике, в которых присутствуют этимологические анализы; статьи, посвященные одной и той же теме, но варьирующие ее или уточняющие один из ракурсов соответствующей темы (то же относится к первым пробным подходам к теме, если позже она получает развитие и уточнение в других работах на ту же самую тему); статьи, написанные в соавторстве (хотя в нескольких немногих случаях приходится делать исключение; особенно это относится к весьма внушительному количеству статей и даже двум книгам, написанным в соавторстве с В. В. Ивановым). Наконец, в этом издании опущен ряд ранних текстов автора, темы которых в дальнейшем получили более адекватное решение. Впрочем, кое-что из ранних статей должно войти в раздел «Immatura», где будут представлены работы, с выводами которых автор в целом согласен и сейчас, но находит возможность существенно усилить аргументацию. То же относится к ряду текстов, незаконченных и/или не доведенных до уровня, удовлетворяющего автора.

Что же касается публикуемого тома и его содержания, то здесь нужны некоторые разъяснения. Автор придерживается широкого взгляда на этимологию, если выразить свою основную мысль одной короткой фразой. Если же уточнить это понятие «широкости», то надо сказать самое общее — между так называемой «народной» этимологией и этимологией научной по большому счету нет непроходимой границы; нет ее и между этими этимологиями и этимологией, условно называемой философской или онтологической. Издревле существовали тексты, авторы которых по существу ставили себе задачей нахождение семантической мотивировки тех или иных слов. Попытки решения этой задачи предпринимались уже в древности — от явных или отчасти завуалированных опытов в текстах мифопоэтического характера открыть некую тайну того или иного слова (начиная уже с «Ригведы», где представлены «этимологические» опыты риши, или Гомера) до трудов совсем иного рода — древнеиндийского комментатора Яски (*Yāska*), жившего, видимо, еще до Панини и являвшегося автором трактата «*Nirukta*», в котором предпринималась попытка объяснения трудных ведийских слов из списка, называемого

«Nighantu», или опытов Платона в области этимологии в его трудах, средневековых ирландских филидов в трактате по грамматике и поэтике «Auraicept na n-Éces» («Руководство ученых») и некоторых других попыток, так или иначе связанных с этимологией, по меньшей мере с «пред-этимологией». В любом случае наличествует потребность в раскрытии «тайного» смысла слова, хотя критерии доказательности весьма различны. Но еще раз необходимо подчеркнуть потребность определенного круга людей в раскрытии внутренней связи между формой и смыслом слова, более того, между самим этимологизирующим (*homo etymologicans*) и этимологизируемым, словом. Разумеется, у каждого из этих двух разных случаев все кроме уже указанного различно — опора-основание, методы, критерии доказательности, наконец, представление о выборе того, кого можно было бы считать верховным судьей.

Разумеется, при всей важности уяснения того общего, что связывает «научную» этимологию с этимологией «народной», мифопоэтической, онтологической («философской»), и представления о том целом, которое обнимает все возможные типы этимологии и самого «этимологизирования», в настоящем издании речь практически всегда будет идти о «научной» этимологии, исключая раздел, посвященный анаграммам и самому феномену анаграмматизма.

Но сам «широкий» взгляд на этимологию, о котором сказано выше, предполагает не расплывчатость критериев, не своего рода всеядность, но осознание того факта, что материал этимологии не может ограничиться только словарным списком слов, что для подхода к анализу слова нужно знать «сильный» текст (как и «сильные» контексты) и «свой» для каждого слова «сильный» жанр, в которых встречается данное слово, с одной стороны, а с другой, сам тип слова, если оно принадлежит к специфической группе (как, например, имя, число, сакральные термины и т. п.). Конечно, этимология прежде всего связана с лексикой и семантикой, но нередко существенная информация извлекается и из разных разделов грамматики. Любая этимология предполагает движение мысли этимолога до предельно доступной во времени черты. Поэтому решение этимологической задачи, как правило, состоит в реконструкции первоисточника слова.

Естественно, что зависимость решения каждой конкретной этимологии зависит часто от слишком многих факторов. И поэтому в настоящий том по необходимости пришлось включить лишь относительно ограниченную часть примеров в надежде, что кое-что будет объяснено в последующих частях этого издания. Соответственно объясняется и другая особенность его — множество отсылок в связи с конкретным словом в разных частях исследования. Только попав в сложное, иногда даже очень густое пространство «перекрестных» свидетельств, слово обретает достаточную информацию, чтобы его этимология обрела доказательную силу.

ОТКРЫВАЯ ПЕРВУЮ ДВЕРЬ...

В книге в этой функции выступает после первого (чаще всего) открывающего движения титульный лист, важный, конечно, не сам по себе, но потому что именно он уступает свое нейтральное, экстенсивное пространство названию книги, заглавию, которое, по крайней мере по замыслу, и нарушает эту нейтральность, и обещает большую интенсивность, и предполагает самое явление смысла.

Само же название книги — «Избранные труды по этимологии и семантике. Некоторые вопросы глоттогенетики» — требует некоторых пояснений, так сказать, несколько более расширенного поля и/или более углубленной ретроспективы, и более целенаправленной перспективы — тем более что наука этимология, оказавшаяся на переломе двух веков (не говоря уж о двух из трех тысячелетий нашего эона), должна и более точно, и более глубоко уяснить свой статус и в пределах языкознания, т. е. науки, и вне пределов науки, потому что этимология в широком смысле дело-занятие не только ученых, но и немалого количества людей, думающих над языком, на котором они говорят, рефлектирующих над ним, умеющих задавать самим себе вопросы относительно того, что их в языке интересует, слушать возможные ответы на них, но и, сознавая свое скромное положение и ограниченные возможности, не могущих отказать себе в удовольствии (больше, чем в праве) искать истину слова, пребывающую для них в сокровенной тайне. Слишком человеческое это дело — стремление к «собственному» уразумению этой тайны, чтобы пренебрежительно проигнорировать свою тягу к упреждениям в этом занятии. «Этимологическая» ориентация человека естественна; потребность в ней и возможность ее реализации естественна, хотя именно последнее отнюдь не общее достояние. Важнее, однако, другое — есть люди, отнюдь не профессионалы-этимологи, которые принадлежат к ти-

пу homo etymologificans «человек этимологизирующий», и их опыт отнюдь не бесполезен, правда, не в смысле научной верификации (впрочем, и здесь нельзя полностью исключать случайных «попаданий в цель»), но в более широком пространстве культурной антропологии.

Чего не хватает сегодняшней этимологии (разумеется, научной), так это глубокого уяснения своих оснований, источников, специфики развития, самого его направления, осознания своего места в контексте других наук как гуманитарного круга, так и того круга, который включает в себя теорию информации, математику в ряде ее разделов, теорию систем, теорию игр и многое другое. По существу этимология как наука имеет дело с чисто эмпирическими данностями, на основании которых восстанавливаются (впрочем, далеко не всегда) непосредственно не наблюдаемые данные. Подлинной теории этимологии, к сожалению, нет, хоть есть немало ценных заключений и наблюдений методологического характера, которые и помогают этимологу, как правило и в удачных опытах, сформулировать некий конечный результат в виде реконструкции источника исследуемого слова в том, что касается его звуковой формы и связываемого с нею смысла; при этом само движение этих связей, эволюция разных видов соотносительности звука и смысла остается вне внимания исследователя; вопрос о том, что первично в этой паре, не ставится, и сам момент соединения их в целом оказывается упущенным. Возникает как бы неразрешимая проблема, напоминающая избитые мудрствования на тему, что было раньше — яйцо или курица, семя или растение. Нечто стоящее за двумя порознь верными констатациями (курица из яйца, яйцо из курицы и т. п.) на следующем уровне глубины начинает выглядеть как нечто алогичное, неразрешимый парадокс, тупик.

Здесь не место говорить об этой проблеме и даже о подступах к ней. Уместнее напомнить о том, что звук и смысл — два основных участника порождения слова как некоей важной, отчасти даже основоположной единицы языка. Но тут же, как того требует точность, сама логика подхода к исследованию, следует сделать и следующий шаг — есть звук и звук, и есть смысл и смысл: звук как природное явление и звук как достояние антропного начала; смысл, как он восстанавливается неким идеальным наблюдателем «внеязыковых» явлений, происходящих в мире и в самом человеке, и смысл как нечто неотменно присутствующее в языке, даже в его алогизмах, бессмыслицах, единичных эвентуальных образованиях, вспыхивающих в языке, как искра в ночи, обреченная в тот же момент погаснуть и никогда уже больше в таком виде не повториться.

До изобретения письменной фиксации звуков и смыслов, явления, по сути дела и особенно в соотносении с весьма протяженной во времени историей homo sapiens, весьма позднего (середина III тысячелетия до нашей эры; «про-

тописьменные» знаки, включая логограммы, идеограммы, строго говоря, на звук не ориентировались, и он пребывал в этих системах в сокрытии, в существенной непроявленности), звук и смысл имели сферой своей феноменализации звучащую речь, хотя, конечно, были и незвуковые и даже вообще неязыковые формы явления смысла, и вместе с тем были звуки, лишенные смысла в его лингвистическом понимании («пустые»), но соотнесенные тем или иным образом с явлениями «подъязыковой» сферы.

Звук и смысл долгое время искали взаимной встречи и шли навстречу друг другу, то, казалось бы, нащупывая общую тропу, то безнадежно теряя ее из виду. Но без этой чаемой встречи в будущем или даже без самой перспективы ее ни звук, ни смысл не были ни самодовлеющими, ни полноценными, но они жаждали воплощения, потому что оно было в плане того пути, который был избран человеком, и постепенно, упорно, долго, с разных сторон шли к тому пространству, где перед ними впервые забрезжил образ благой встречи друг с другом. Звук, до поры неосмысленный, смыслом не окрыленный, есть факт природы, даже если его производит человек, выступающий пока что в ипостаси существа природного царства. Но встреча и ее пространство, в котором звук стал бы «осмысливаться», а смысл «озвучиваться», манили обоих участников этого встречного движения. Взаимная их нужда друг в друге была одновременно и предвестием, и стимулом, и вехой в формировании языка, явления, уходящего своими корнями в природное, будь оно в природе или в самом «человеке природном», а кроной в сторону того, что будет некогда названо культурой, т. е. возвращенным, возделанным, и будет явлением антропогенного по преимуществу характера.

Каждый опыт-попытка такой встречи-соединения звука и смысла, каким бы неясным и приблизительным он ни был, уже означал победу эктропического начала над энтропическим, космоса над хаосом, прорывом из царства по необходимости природного в выстраиваемое царство свободного антропного. Но чтобы раз найденная встреча или хотя бы подобие ее, простое сближение-соприкосновение и предварительное, более чем поверхностное знакомство «пред-звука» с «пред-смыслом» не только состоялось, но и хотя бы в чем бы то ни было закрепились и звук почувствовал нужду в своем осмыслении, а смысл — в звуковой форме своего воплощения, нужно было пройти по бесчисленным тропам безрезультатных встреч, срывов, неудач. Но ведь именно таким путем шла и жизнь, завоевывавшая себе место на земле гибелью ее огромных масс: одна удача на миллионы поражений, как полагал Тейяр де Шарден. Но зато каждая удача была надежным островком в океане все еще царящего хаоса, и чем больше было таких удач-островков, тем обширнее становился материк, тем быстрее совершалась космизация, тем полнее было торжество логоса, смысла и тем совершеннее

становилась звуковая форма передачи не только смысла в целом, но и тончайших нюансов его.

Смысл, конечно, и значение, но, как показывает языковая форма русского слова *смысл* и его ближайшего исторического источника праславянского **sъ-myslъ*, и тем более отдаленного праязыкового индоевропейского, речь идет о некоем отмеченном, «усиленном» значении — о благе «мысли»-смысле, подлинном, истинном, бытийственном, связанном — исходно — с Творцом, творчеством, твореньем, тварью, с эктропической осью мироустройства, включая и человекоустройство. Этот смысл достался человеку независимо от того, был ли он выработан всем человеческим опытом или дан Творцом, или — что вернее — родился во внутреннем диалоге человека и Творца не как нечто готовое, как Афина, явившаяся из головы Зевса, и не просто на поддержание и сохранение, но и на развитие его, умножение его возможностей и возрастание его мощи, на усмотрение самого человека, определяющего нужный путь, сама нужность которого проверяется ответом, даваемым на возникающий вопрос, или даже — особенно на первых порах — просто реакцией сомнения, недоумения и т. п. вплоть иногда до непонимания, понуждающего искать тропу к пониманию. Язык в этой ситуации — когда в помощь человеку, а когда и в опасный соблазн ему.

Так или иначе, понимание и непонимание, смысл и его отсутствие (и что хуже — бессмыслица) ставит перед человеком, как и перед языком, им истолковываемым, ту же дилемму — или признание своего поражения, или же победу, по крайней мере шаг вперед в познании оснований связи звука и смысла, эволюции самого соотношения того и другого, самого способа моделирования мотивировок данного смысла. Человек, пытающийся уяснить себе связь между звуковым составом слова и его смыслом и встречающий вокруг себя густой хаос, невозможность выйти на путь, ведущий к пространству, где действует какая бы то ни было логика, по определению сопряженная космическому началу, пытается определить горизонт своих возможностей, прибегая к технике *bricolage*'а, в надежде на то, что случай или их череда сможет прояснить нечто — или главное, или — хотя бы — намек на него с тем, чтобы продрасть через *Holzwege* ближе к истине, к бытийственному в звуке-смысле. В этой ситуации именно звук, звук-наводчик, многократно, в принципе бесконечно репродуцируемый, может открыть сознанию, не чуждому мистическим устремлениям, нечто новое о самом смысле. Речь идет в данном случае о некоем звуковом обряде типа того, что используется в Тибете в молитвенных мельницах, когда некая священная формула повторяется многократно. Смысл таких звуковых ритуалов не в том, что в итоге истинное пробуждается и, сбрасывая с себя скрывавшие его покровы, является во всей своей смысловой полноте человеку, участвующему в ритуале, но в том, что